

Напомним еще раз о новгородском Ирмологии в списке XII—XIII в., где последовательно сохраняются редуцированные в слабом положении. Весьма примечателен факт спора по вопросу о датировке перевода Ирмологии между К. Хегом и Р. О. Якобсоном. Первый утверждал, что этот перевод был сделан в XII столетии,²⁸ второй относит его, исходя из архаических черт в языке, к значительно более раннему времени.²⁹ В любом случае правильное употребление еров говорит о том, что в «искусственном» произношении они продолжали выполнять слоговую функцию и в XII—XIII вв.

Итак, церковнославянская поэзия, по всей видимости, достаточно долго «жила» в русской литературе. Однако вопрос о том, положила ли она начало самостоятельной традиции, хотя бы в гимнографии, еще ждет своего исследователя. Здесь можно лишь напомнить о том, что древнейшие стихотворения представлены и в списках более поздних, в частности XV в.; что «Азбучная молитва» находит аналогию в многочисленных русских «азбучовниках»; что в XIV—XV вв. происходит интенсивное обращение к литературе киевского периода; что в эпоху второго югославянского влияния на Русь проникают многие балканские оригинальные и переводные памятники. Все же пока неясно, можно ли говорить о сохранении или возрождении старинной силлабической техники.³⁰

Несомненно, что южные славяне поддерживали церковнославянскую поэтическую традицию. Хиландарский монах Гавриил и Константин Костенчский в начале XV в. писали силлабические стихи, где по традиции принимались за слогаобразующие и редуцированные, за исключением конечного глухого.³¹ Кроме того, модифицированный старинный десятисложный политических стих лег в основу дванаестерца югославянского фольклора, а также хорватской поэзии XV в.

В русской литературе известно несколько переводных памятников XV в., которые должны быть обследованы с учетом возможного в них сохранения силлабической системы. Это «Стихи двенадцати месяцам»³² и поэма Георгия Писида «Шестоднев».³³ Возможны также интересные результаты при изучении русских литургических памятников, создаваемых в честь русских святых.

После коренных изменений в славянских языках дифференциация поэзии различных славянских народов была углублена церковным расколом и ослаблением межславянских взаимосвязей в период феодальной раздробленности. В результате этой дифференциации фольклор трех основных ветвей славянства приобрел отличительные признаки принципиального характера: у западных славян (в данном случае к ним приходится причислять словенцев) развилась силлабическая рифмованная поэзия; у славян южных —

²⁸ См.: Proceedings of the British Academy, XXXIX. London, 1954, стр. 47 и сл.

²⁹ Roman Jakobson. The slavic response to byzantine poetry, стр. 255—256.

³⁰ Любопытный материал по этому поводу содержится в кн.: Ф. Спасский. Русское литургическое творчество. Париж, 1951.

³¹ Весьма интересно, что подобный «графический» принцип сочинения стихотворений, когда в произношении они представляют нечто существенно отличное от письменного текста, был известен еще в конце IX в.: автор службы Мефодию считал за один слог пятисложное слово, поскольку оно писалось под титулом: Б(огороди)ца чистж та знавше. Ср.: Dragutin Kostić. Бугарски епископ Константин...

³² И. Н. Жданов. Греческие стихотворения в славянских переводах. — Commentationes philologicae. — Сборник статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897, стр. 81—96.

³³ Этот памятник опубликован и описан: И. А. Шляпкина. 1) Шестоднев Георгия Писида в славяно-русском переводе 1385 года. СПб., 1882; 2) Георгий Писидийский и его поэма о миротворении в славяно-русском переводе 1385 года. СПб., 1890, 31 стр. (оттиск из: ЖМНП, 1890, июнь).